

В повозке Юнь Чана было тепло и уютно.

Залитой кровью уединенной резиденции больше не было видно.

Пин Тин сидела в углу, бесчувственно глядя на луну.

С сегодняшнего дня луна, которую она больше всего любила, уже не имела своей безупречной нежности.

Она отказалась произнести хоть слово, вспоминая пробитые сердца людей, боевые крики и выражения охранников, умерших напрасной смертью. Хэ Ся выбил тяжелую дверь, осторожно ослабив связывавшие ее веревки. Затем он ушел, забрав с собой позолоченную коробку.

Ей пришлось наступить на еще не просохшую кровь этих парней, чтобы добраться до входа в резиденцию.

Ее белые шелковые туфли стали теперь столь же красными, как огненный закат, оставляя на снегу ярко-красные отпечатки.

Ее сердце было изрезано ножами.

Чужой крови больше не было на всей земле. Она принадлежала ей.

Она изливалась из ее сердца, капая на ледяной снег, чей холод не мог успокоить.

Повозка ждала впереди.

Белые шторы украшали оконную раму с красивой резьбой. Внутри повозка была обшита великолепными тканями.

Неизвестно откуда выскочила Цзуй Цзюй. У нее были красные пятна на рукавах, а пальцы покрыты кровью, она бросилась к ногам Пин Тин, закричав:

– Мисс! Мисс! Позвольте мне заботиться о мисс в дороге!

Охранники Хэ Ся тут же подняли свои сияющие мечи, готовые атаковать.

Пин Тин обернулась, глянув на Хэ Ся.

- Она моя служанка.

Хэ Ся посмотрев на мольбы Цзуй Цзюй, смягчил голос:

- Встань.

Дорогая Цзуй Цзюй, зачем эти хлопоты?

Пин Тин склонилась к окну, прислушиваясь к цокоту копыт. Стук колес быстро уносил ее дюйм за дюймом от места, где был Чу Бэй Цзе.

Она не чувствовала боли, не хотела плакать.

Она решила забыть боль и слезы, чтобы навсегда стереть голос и выражение лица того человека.

Наконец, она поняла, что настоящие чувства не так уж важны.

Национальная признательность было морем, а национальная ненависть – горой.

Как она могла быть глубже моря или весомее горы?

Как могло пение под луной или игра на цине среди цветов сравниться с собственной страной?

Самая чистая в этом мире любовь не была непобедима и не могла сравниться со славой и властью, не могла сравниться с чувством долга и не могла сравниться с ложной национальной гордостью.

- Как служанка, разве ты не знаешь, что твой мастер – знаменитый генерал?

- Какой еще знаменитый генерал? Он из тех, кто решает, что важнее, и разбивает сердца других людей ради своих эгоистичных желаний.

Подумав об этих словах, Бай Пин Тин грустно улыбнулась.

А что если наступит время, когда все мужчины станут знаменитыми генералами?

И в случае если они не сумеют решить, что важнее, они так же пойдут дальше, разбивая сердца других людей ради своих эгоистичных желаний?

Его выбор был правильным, должным выбором.

Как знаменитый генерал, он должен был идти вперед, положив конец разбитому сердцу, бездомной и опустошенной душе, созданной им.

Пока их обещания, их улыбки не будут полностью забыты.

Знаменитый генерал.

Как знаменитый генерал, он не должен сожалеть.

Колеса продолжали быстро вращаться, громяхая по дороге.

Хэ Ся очень хотел домой. Он получил Пин Тин и ехал к дому, не заботясь о ветре или морозе, встретившихся на его пути.

Был ли Юнь Чан, земля, скрытая в облаках, где его жена, принцесса Яо Тянь, ждала его в великолепно украшенных императорских покоях, его домом?

Если она не была его домом, то куда он тогда мог пойти?

Где была бывшая резиденция герцогов Цзин-Аней?

Ни Хэ Ся, ни Бай Пин Тин никогда не смогут туда вернуться.

Никогда не смогут вернуться.

Чувство потери пронзило его, проникая в кости. Хэ Ся обернулся, чтобы посмотреть на повозку, катящуюся позади него.

Пин Тин вернулась, разочарованная и сломленная. Будто сама ее душа была потеряна, но остались воспоминания о резиденции герцога Цзин-Аня.

Она была здесь, и ее прежняя сущность однажды вернется.

Если она была здесь, тогда существовал и Хэ Ся, с блестящими глазами шутивший о четырех странах и существовала честь.

- Мастер! - вдруг предупредил Дун Чжо, вернув внимание Хэ Ся. Он прискакал из авангарда войск к Хэ Ся.- Мастер, впереди какие-то люди преграждают дорогу. Они говорят, что хотели бы увидеть мастера.

В глазах Хэ Ся вспыхнул резкий свет. Некоторое время он спокойно думал, потом поднял руку, чтобы остановить следующие за ним войска.

Весь отряд остановился.

- Приведи их.

Вскоре к лошади Хэ Ся подтолкнули мужчину со связанными руками.

- Ты хотел меня видеть? - Хэ Ся оценивающе оглядел высокого мужчину.

Тот был в одежде ученого и невероятно худ. Его голос и жесты были крайне спокойными, пока он изучал двух стоящих рядом охранников, прежде чем взглянуть на Хэ Ся. Подняв голову, он не проявил никаких признаков страха:

- Меня зовут Фэй Чжао Син. Я не спал несколько дней, ожидая маркиза Цзин-Аня, чтобы передать крайне важное послание.

Хэ Ся молча смотрел на него, не спрашивая, что это за новости. Выражение его лица потемнело, и он хмыкнул. Его голос был холоден:

- Откуда ты узнал, что я, принц-консорт, прибуду сюда?

Охранники рядом с ним подняли мечи, нацелившись и готовые броситься к нему, как только прикажут.

Фэй Чжао Син не удивился, а вместо этого рассмеялся. Он осторожно посмотрел на них:

- В какой из четырех стран нет своих шпионов? Честно говоря, маркиз Цзин-Ань, даже мой мастер не мог представить, что маркиз прибудет сюда в это время, поэтому мое нахождение здесь - простая удача. Кроме того, если маркиз в этот час не оказался бы на этой дороге, мои новости не имели бы никакого значения.

Пронзительный взгляд Хэ Ся, который мог расшифровать любые намерения, остановился на мужчине и, поняв, что тот не лжет, Хэ Ся смягчился, спросив:

- Кто твой мастер? Какие новости ты принес?

- Мой мастер из Гуй Лэ... - Фэй Чжао Син сделал шаг вперед, понизив голос: - Императрица Гуй Лэ.

Кавалерийская часть во главе с Чу Бэй Цзе продолжала стремиться на запад.

И лошади, и люди были истощены, но никто не отставал.

Луна, словно немного стесняясь, тихо пряталась где-то, где никто не мог ее увидеть, в то время как солнце еще не показало свое лицо.

Почти наступил рассвет, но небо казалось темнее, чем обычно.

- Вперед! - Чу Бэй Цзе все еще скакал противясь ветру.

Его руки и ноги почти утратили чувства. Он ощущал только холодное прикосновение своего стального меча к талии, а также непреодолимое желание.

Свежей крови, костей и песка.

Беспокойство и горе заполнили его грудь. Ему не терпелось взмахнуть мечом, ощутив прилив адреналина, чтобы он мог заставить своего врага пасть, а потом встать на колени перед Пин Тин, прося у нее прощения и ощущая нежный аромат ее платья.

Вершины горных хребтов теперь были перед глазами Чу Бэй Цзе. Он рванул к ним, оглянувшись на неосвещенные равнины внизу. Зимнее солнце только начало подниматься, окрашивая все в одинаковый цвет. Свет мерцал в его налитых кровью глазах, заставляя его выглядеть немного энергичнее. Он снова осмотрел свое окружение. Легкое движение на горных хребтах привлекло его внимание.

Вперед!

В темноте слабо замелькали тени.

Дыхание покинуло Чу Бэй Цзе.

Выражение его лица не изменилось, когда он вытащил меч из ножен. Его зрачки отражали его лихорадочное желание тут же броситься вперед.

Чэнь Му вышел вперед и проследил за взглядом Чу Бэй Цзе. Он тоже заметил мелькающие

тени. Он долгое время прослужил генералом и, сразу поняв ситуацию, прошептал:

- Похоже, их мало и, скорее всего, это войска, на всякий случай оставленные в засаде.

Теперь, когда Чу Бэй Цзе видел следы врага, его уверенность на поле битвы вернулась. Он прошептал в ответ:

- Если Хэ Ся оставил здесь свои войска, это означает, что основное подразделение действительно отходит по хэндуаньским хребтам.

Когда основное подразделение благополучно пройдет сквозь хэндуаньские хребты, меньшие отряды тут же догонят их и встретят в безопасном месте.

- Догоните их, но оставьте раненого солдата в живых. Попробуйте его, пока он не скажет, куда ушли основные силы.

- Да!

Меч в его руке был слишком горячим.

И все же его сердце было еще горячее меча.

Чу Бэй Цзе сжал поводья в одной руке и уставился на знакомые горные цепи.

Пин Тин, ты в этих запутанных горных хребтах?

Умоляю, ответь на мой взгляд, хоть на мгновение.

Эта древняя земля молчит ради тебя.

Холодные отражения этих трех тысяч семисот мечей вспыхивают ради тебя.

Самый глупый и самый бесстрашный Чу Бэй Цзе пришел ради тебя.

Пока я вижу твою улыбку, вся горячая кровь этого мужчины будет принадлежать только тебе.

Ладонь его руки сжала меч, залитый холодным потом.

Чу Бэй Цзе развернулся спиной к горе, медленно поднял меч и, словно пронзая бездонную

темноту неба, выплюнул:

– Убить!

– Убить! Убить! Убить!

Клочок земли начал дрожать.

Холодный свет меча затрепетал, вместе с разразившимися боевыми криками.

Тысячи людей и лошадей рванули вниз по склону, нарушая молчание рассвета.

Люди в лесу ожидали победы над любым врагом и тщательно подготовили острые стрелы и множество валунов и ям-ловушек. Они не ожидали, что три тысячи семьсот обезумевших людей бросятся к ним с такой чудовищной яростью.

Они не боялись ран или смерти. Их действия были окрашены в алый цвет. Единственный свет, что был холоднее отражения мечей, был тот, что полыхал в их глазах.

– А-а-а-а!

Болезненный крик и окружение Чу Бэй Цзе наполнилось беспощадными схватками. Это, казалось, походило на рисование картины, так как цвет крови брызгал то тут, то там, словно цветение слив, когда лошади хаотично били копытами во всех направлениях.

Никто не мог выстоять против Чу Бэй Цзе. Все враги были быстро побеждены.

Когда столкнулись обе стороны, три тысячи семьсот человек прорвались с востока на запад, уничтожив врагов. Когда лошадь Чу Бэй Цзе прибыла в самый дальний конец вражеского лагеря, битва была окончена.

И все же ярости не было.

Это был самый бессмысленный вид атаки, но в то же время больше всего экономивший время.

Металлический запах плавал в лесу, дрейфуя вокруг.

Это была не война, это была бойня. Вражеский отряд составлял чуть менее тысячи человек. И большинство из них уже были погребены под грудой тел.

Боевые крики сменились грохотом копыт. Последовавшее молчание доминировало над тишиной смерти.

Бусины крови катились с меча.

Чэнь Му привел человека, которого Чу Бэй Цзе хотел видеть живым. Хотя враг носил гражданскую одежду, его генеральский наряд, и то, как он себя держал, отличались от обычных солдат. Как мог такой человек избежать глаз ветерана сражений?

Противник с несколькими ранениями был с силой брошен перед конем Чу Бэй Цзе.

- Где главный отряд Хэ Ся? - голос Чу Бэй Цзе был едва слышен.

Страшил не его тон, а глаза.

Вражеский солдат на мгновение удивился и поднял взгляд, чтобы посмотреть на Чу Бэй Цзе. Он понимал, что человек на коне был необыкновенным, но все, что он мог видеть - слабый силуэт в тусклом свете.

- Что вы за генерал? - подозрительно спросил он.

- Чу Бэй Цзе.

- Герцог Чжэнь-Бэй Дун Линя? - вражеский генерал был сильно удивлен, когда воскликнул: - Вы герцог Чжэнь-Бэй? - его лицо наполнилось недоумением.

В глазах Чу Бэй Цзе мелькнуло беспокойство, и он понизил голос:

- Вы не один из людей Хэ Ся?

- Конечно, нет.

- Говори четче!

Генерал противника сначала какое-то время хранил молчание. Но немного подумав, стиснул зубы и покорно ответил:

- Я отвечал за совершившие измену войска и все равно не смог выполнить свою задачу. Я буду казнен, даже если вернусь в свою страну. Раз так вышло, я могу с тем же успехом предложить сделку герцогу Чжэнь-Бэю. Я все расскажу герцогу и прошу только пощадить моих оставшихся в живых людей.

Плохо...

Чу Бэй Цзе уже знал, что пошел по неверному пути, и не найдет врага. Его сердце было в хаосе, но выражение его лица стало только еще спокойнее. Его голос был холоден:

– Говори.

Услышав это, вражеский генерал сразу понял, что его сделка одобрена. Он знал, что может верить слову герцога Чжэнь-Бэя, поэтому сразу же ответил:

– Я генерал школы верховой езды Сяо Бэнь Гуй Лэ, Чжао Вэнь. Император получил сообщение о том, что Хэ Ся пройдет через хэндуаньский хребет, чтобы похитить Бай Пин Тин. Это редкий шанс, поэтому император приказал мне немедленно спрятаться и ждать их здесь, чтобы устроить засаду Хэ Ся и вернуть Бай Пин Тин.

– Император Гуй Лэ, Хэ Су? – Чу Бэй Цзе нахмурился: – Как он узнал, что Хэ Ся будет в хэндуаньских хребтах?

Как и ожидалось, Чжао Вэнь хотел сказать больше.

– Согласно отчету, границы Юнь Чана находятся ближе всего к хэндуаньским хребтам. Они разместили там значительное число солдат, как кто-то не смог бы сделать вывода, что они планируют вернуться через хэндуаньские хребты?

Чэнь Му прервал их, спросив:

– Сколько у вас человек?

– Девятьсот.

Выражение Чэнь Му стало подозрительным, и он усмехнулся:

– Имея всего девятьсот человек, вы осмелились войти на территорию Дун Линя, чтобы преследовать Хэ Ся?

– Но разве войска Дун Линя на границе не обнаружили бы нас, если бы у нас было слишком много людей? Моему отряду проще всего было пробраться сюда из Гуй Лэ, только так мы смогли проскользнуть в Дун Линь не обнаруженными. Как вышло, что мы встретились не с Хэ Ся, а с тремя тысячами солдат герцога Чжэнь-Бэя?

Чэнь Му видел, что его слова были честными и, казалось, не содержали лжи. В ответ он задал

вопрос:

- Вы знаете, сколько людей у Хэ Ся?

- Не говорите, что больше тысячи?

- Целых восемь тысяч.

Чжао Вэнь отказываясь верить ему, покачал головой.

- Невозможно, Хэ Ся дальше чем мы проник на территорию Дун Линя. Если бы у него действительно был отряд из восьми тысяч человек, то армия Дун Линя наверняка узнала бы о нем.

У Чэнь Му не было ни минуты отдыха, ни времени, чтобы подумать с тех пор, как он встретил Чу Бэй Цзе на пути в столицу. Услышав упоминание Чжао Вэня, он подумал о своем внезапном переводе из казарм Дракона и Тигра и ощутил, как его сердце упало. Он тайком бросил взгляд на Чу Бэй Цзе.

Лицо Чу Бэй Цзе было мрачным, а глаза в тоже время полны боли и грусти.

Единственным оставшимся объяснением было то, что император Дун Линя устроил заговор, зная обо всем.

Он открыл границу, позволив врагу похитить Бай Пин Тин - женщину, которую любил Чу Бэй Цзе.

Чу Бэй Цзе отказывался слишком много размышлять об этом прямо сейчас, так как время имело значение. Он сразу же задал самый важный вопрос:

- Вы ждали так долго но, похоже, Хэ Ся все-таки пошел другим путем, а мы пришли с той стороны, куда он ушел? Куда мог пойти Хэ Ся и его люди, это же единственный путь?

Чжао Вэнь покачал головой:

- Это единственный вход в хэндуаньские хребты, и я могу гарантировать, что Хэ Ся тут не проходил.

Чэнь Му вздохнул:

- Осталось только одно объяснение, Хэ Ся изменил маршрут.

Чжао Вэнь был расстроен этим.

– Если в отчете моего императора не закралось ошибок, то встречающие войска должны быть размещены только в конце хэндуаньского хребта. Если Хэ Ся изменил маршрут, то он либо учуял здесь опасность, либо уже знал, что мы собираемся устроить ему засаду.

Наличие таких знаний необычно. Как и у Гуй Лэ, разве у Юнь Чана не было шпионов?

Сердце Чу Бэй Цзе стало тяжелым, словно свинец, и он задумался, почему Хэ Ся оказался настолько умен, чтобы заранее изменить маршрут. Он молча обнажил свой меч, приказывая:

– Хороните мертвых и собирайте вещи, прежде чем отдохнуть в трех милях отсюда. Пусть все хорошо поедят и выспятся, прежде чем в полдень отправиться в путь.

Чэнь Му был удивлен:

– Мы больше не станем вести погоню?

– А мы смогли бы наверстать упущенное? – прошептал Чу Бэй Цзе, его сердце болело. Он втайне крепче сжал поводья, посылая вспышки боли от волдырей. В его голосе звучало поражение: – Мы уже на неправильном пути, поэтому, даже если вернемся, будет уже слишком поздно.

Даже если бы его лошадь смогла проскакать тысячу миль в час, к тому времени, когда он догонит Хэ Ся, тот уже будет на территории Юнь Чана.

Когда это время настанет, люди Хэ Ся уже не будут теми же простыми восемью тысячами.

Даже если они еще не будут в Юнь Чане, их было три тысячи против восьми тысяч. Если каждый не убил бы девятерых, шанс на выживание был бы очень низок.

Особенно, когда они окажутся в Юнь Чане, разница в их количестве станет намного превышать три тысячи против нескольких десятков тысяч. Каковы были шансы пробиться во внутреннее ядро, в котором находились Хэ Ся и его элита? Даже если бы его солдаты прожили две жизни и убили столько, сколько могли, у него не было бы ни шанса увидеть ее прекрасное лицо, прежде чем он погибнет.

И все же, если бы он не вступил в бой, звук циня навечно остался бы одиноким, потому что она жила бы в заключении в чужом доме.

Он не был удовлетворен.

А как бы он мог?

– Герцог... что герцог планирует теперь делать? – Чэнь Му освободил Чжао Веня и его оставшихся солдат, как и обещал. Он обернулся, глядя на подавленные душевную боль и обиду на лице Чу Бэй Цзе.

– Я собираюсь пойти на границу, и созвать армию, – настал ветреный рассвет, а взгляд Чу Бэй Цзе был направлен на далекий Юнь Чан, уголки его рта поднялись без холода сожаления. – Я собираюсь использовать каждую каплю военной мощи Дун Линя, чтобы порубить в куски территорию Юнь Чана, пока Хэ Ся не вернет Пин Тин собственными двумя руками.

Женщину, чья судьба была связана с ним, женщину, использовавшую свой цинь, чтобы остановить его меч.

Пин Тин, только простой улыбкой, ты заставляешь мое сердце болеть от твоей красоты.

Умоляю, ответь на мой взгляд и хоть раз улыбнись.

Всего раз улыбнись.

Я обменяю величайшее кровопролитие в истории и будущее, силу всей нации на твою улыбку.

Зима почти закончилась, но холод не отступил.

В этой ситуации в четырех странах случились радикальные перемены. После возврата окраин, захваченных армией Дун Линя, император Бей Мо немедленно отозвал свой союз с Юнь Чаном.

Цель Хэ Ся уже была достигнута. Он благополучно отвел свой отряд из более чем трехсот тысяч солдат без единого дальнейшего сражения.

Пока что жители думали, что Боги все еще были сострадательны и не знали о волнующей активности на границе, заставившей многих людей погрузиться в горе.

Люди притихли. Хотя ситуация была весьма неожиданной, тем не менее они успокоились.

Императорский дворец Дун Линя получил известие об отступлении противника, и беспокойная толпа, которая не могла ни есть, ни спать, наконец, почувствовала облегчение. Однако до того, как смог начаться грандиозный пир, пришли более неожиданные новости, словно удар молнии с небес.

Герцог Чжэнь-Бэй Чу Бэй Цзе уже использовал свой командный знак и в настоящее время управляя всеми войсками Дун Линя, оказал давление на границы Юнь Чана!

Смех в огромном дворце стих, а чиновники в недоумении переглядывались, не зная, что сказать или подумать.

Юнь Чан не был похож на Гуй Лэ или Бэй Мо. У этой страны имелись ресурсы для войны, но она всегда держалась в стороне, что привело к гораздо более зрелой армии. Их возглавлял широко известный генерал Хэ Ся, и поэтому казалось, что верная смерть пытаться напасть на Юнь Чан. Не говоря уже о том, откуда у Дун Линя хватило бы солдат, чтобы остановить хотя бы заговоры Гуй Лэ и Бэй Мо?

Как мог герцог Чжэнь-Бэй, всегда бывший осторожным, совершить столь глупые действия, ничем не отличавшиеся от самоубийства?

- Это правда? - Чашка вина в руке императора Дун Линя не двигалась, когда он смотрел на пыльного вестового, стоящего на коленях на полу зала.

Песни прекратились, стоило певцам и дворцовым танцовщицам ощутить опасную атмосферу в зале. Они, склонив головы и опустившись на колени, тряслись стоя в стороне.

Вестовой мчался в течение нескольких дней, и его голос был хриплым. Ему все-таки удалось повысить голос:

- Сообщаю императору, герцог Чжэнь-Бэй отдал свои приказы шесть дней назад. Всем генералам на границах, а также генералам, отвечающим за четыре казармы, было приказано уйти и встретиться с герцогом Чжэнь-Бэем.

Император Дун Линя ничего не сказал, но медленно повернулся, чтобы посмотреть на свою бледную императрицу. Он медленно опустил золотую чашу в своих руках, его взгляд скользнул по проходу.

- Что вы думаете?

Когда герцог Чжэнь-Бэй вернулся в столицу, вся страна отпраздновала это, но спустя несколько дней он спешно уехал. Большинство чиновников не знали подробностей отношений Чу Бэй Цзе и Пин Тин, поэтому не смели открывать рта и молчали.

Удушающая тишина заполнила огромный зал.

Старый премьер-министр Чу Цзай Жань подумал о кое-чем другом. Он открыл рот, чтобы спросить:

- Когда герцог мобилизовал войска с каждой границы, а также в казармах, сколько он оставил для защиты границ Бэй Мо и Гуй Лэ?

- Он оставил десятую часть изначальных войск для защиты на каждой границе.

Всего десятую часть?

Чиновники подняли шум.

На этом уровне - обороны практически не существовало. Если две другие страны внезапно начнут атаку, они смогут дойти прямо до сердца Дун Линя.

Все глаза остановились на императоре Дун Линя.

Выражение лица императора Дун Линя стало весьма угрюмым, его глаза моргнули несколько раз. Он поднес чашку вина к губам и спокойно сделал глоток.

- Я хотел бы успокоиться, пожалуйста, все уйдите.

Чиновники были в панике, когда по очередности пали на колени. Затем они поклонились.

- Ваши верные подданные должны уйти!

Дворцовые танцовщицы и музыканты также тихо и осторожно вышли из зала.

Настоящее молчание наступило только после ухода чиновников. В зале после праздника остался беспорядок, а толпа быстро рассеялась.

Армия собралась на границе, чтобы бросить вызов Хэ Ся.

Ради своей страны он пожертвовал собственным братом и пожертвовал Бай Пин Тин.

Теперь Чу Бэй Цзе жертвует собственным братом и Дун Линем ради Бай Пин Тин.

В чем причина?

Каковы будут последствия?

Император Дун Линя сел на трон, оглядывая огромный зал, молча сделав еще глоток.

Белая рука потянулась к нему, мягко придерживая золотую чашу.

- Император... - императрица, сидевшая рядом с ним, понизила голос: - Пожалуйста, может император быстро придумать способ? Используйте указ, чтобы забрать командный знак из рук герцога Чжэнь-Бэя.

Император Дун Линя повернулся к ней, посмотрев той в глаза. Его улыбка была горькой:

- Может ли брат перебросить все войска без чего-то вроде командного знака?

Элитные солдаты Дун Линя в этом году под его командованием, не колеблясь, напали на столицу и осадили императорский дворец.

Были некоторые люди, родившиеся со способностью командовать, давать всем мужество.

- Даже в этом случае, мы не должны сидеть, закрыв на все глаза, император, - сердце императрицы мучительно забилося в ее груди: - Ради Бай Пин Тин он поставил под угрозу безопасность всей страны. Какая разница между герцогом Чжэнь-Бэем и сумасшедшим? Чего он может достичь, заботясь только о своих собственных чувствах и предав императорский дом?

Глубокий взгляд императора Дун Линя проник сквозь дверь коридора куда-то вдаль.

- Он уже это сделал.

Он больше не заботился ни о своей жизни или смерти, ни об императорском доме, ни о своей стране.

Впервые врожденное чувство ответственности, было заменено тщеславием без малейшей надежды на перемены.

Просто ради женщины.

Просто Бай Пин Тин.

- Бэй Цзе, Бэй Цзе, ты все еще мой брат, готовый пожертвовать всем ради Дун Линя? - император Дун Линя медленно встал, посмотрев на небо, словно пытаясь проникнуть в его глубины. Внезапно он ощутил пульсирующую боль в горле, и его с «ха» вырвало свежей кровью на стол.

- Император! - тревожным голосом закричала императрица. - Кто-нибудь! Сюда!

Слуги тут же поспешили на зов и были потрясены увиденной сценой.

- Император!

- Осторожнее, император!

- Лекаря, вызовите лекаря!

Тихий дождь начал литься с небес по округе.

В древнем императорском дворце разразились горе и паника.

Пол перед тронном окрасился кровью в ярко-красный цвет, словно в бесконечном кровопролитии охранников в уединенной резиденции, ничем не отличаясь от жидкости, капавшей с мечей на поле боя.

Страна была домом, а дом состоял из людей. Негодование реяло столь же высоко, как горы.

Бай Пин Тин, что для тебя невозможно?

<http://tl.rulate.ru/book/8939/507130>